

La tauromaquia para los principiantes

Natalia Ptrovskaya

Errusierako Lektorea / Lectora de Ruso

Laburpena

Artikulu honek gaur egun oso ezaguna den Alejandro Guenis idazle errusiarraren kontakizun baten errusieratik gaztelaniarako itzulpena aurkezten du.

1953. urteko otsailaren 11n jaio zen Alejandro, Riazán-en; hazi, berriz, Riga hirian hazi zen. Letoniako unibertsitateko Letren Fakultatean amaitu zituen ikasketak. 1977. urteaz gero, Estatu Batuetan bizi da. Idazle- eta kritikarri-lanetan dihardu, eta “Askatasuna” izeneko irratsaio bateko aurkezle eta esataria ere bada. Literatur aldizkarietarako artikuluak, filmetarako gidoiak, eta nola ez, liburuak idazten ditu. Egileak estilo berezi bat asmatzen du bere lan bakoitzerako. Aurkeztera gatozen kontakizunaren estiloa autobiografia intelektuala da. Kontakizun honetan, eta baita beste batzuetan ere, egileak “kultura-paisaiak” deskribatzen ditu.

“Tauromaquia para los principiantes” (“Hasiberrientzako tauromakia”) izenburuko kontakizunean, egileak espainiar kulturaren kontzeptu nagusietako bati begira duen ikuspegia ematen du; esan nahi baita, Zezenketei begira duena. Alderdi filosofikoekin interpretatzen du kultura-gertakizun hau, eta bere esanahia sakon aztertzen ahalegintzen da, gizadiaren sustraietara bertara joanda.

Kontakizun hori, hain justu, “6 dedos” (“6 hatz”) liburuan dago txertatuta, 2009. urtean Moskun argitaratua, “Colibrí” argitaletxearekin.

Hemen dituzue bi bertsio: jatorrizko bertsioa, errusieraz; eta gaztelaniara egindako itzulpena.

Resumen

Este artículo presenta la traducción del ruso al castellano, correspondiente a un relato del actual escritor ruso Alejandro Guenis.

Alejandro nació el 11 de Febrero de 1953 en Riazán y creció en la ciudad de Riga. Terminó la facultad de letras en la universidad de Letonia. Desde 1977

reside en EE.UU. Trabaja como un escritor, un crítico y presentador de un programa de radio titulado “La Libertad”. Escribe artículos para revistas literarias, guiones para películas y, por supuesto, libros. Para cada uno el autor inventa su propio estilo. El relato que se presenta pertenece a un estilo de autobiografía intelectual y es uno de los relatos donde el autor describe los “paisajes cultorológicos”.

El relato titulado “Тауромаquia para los principiantes” da una visión propia del autor a uno de los conceptos principales de la cultura española como es la Corrida de Toros. Interpreta este fenómeno cultural con aspectos filosóficos e intenta profundizar su significado hasta las raíces de la humanidad.

El relato entra en el libro titulado “6 dedos”, editado en Moscú en 2009, edición “Colibrí”.

Seguidamente presentamos dos versiones: la versión original en ruso y la traducción al castellano.

ТАВРОМАХИЯ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

В Канаде интеллигентные люди не любят хоккея, в Англии - футбола, в Японии - сумо, в Италии - мафию, в Испании - корриду. Это и понятно. Мы тоже не желаем, чтобы иностранцы видели в нас медведей или космонавтов. Никому не хочется соответствовать национальному стереотипу. Гордые выделяются из толпы, остальные ценят то, что делает уникальным их культуру. Например - корриду.

Испанцы, попав в новую Европу последним из ее великих народов, до сих пор чувствуют себя здесь не совсем уверенно. Всего поколение назад Мадрид, вопреки географии, был ближе к Мехико, чем к Парижу. Многолетняя почвенническая диета, насаждавшаяся при Франко, сводила испанскую культуру к Дон-Кихоту и фламенко. В противовес этому малому туристскому набору сегодня здесь царит космополитический дух. Центральные события последнего десятилетия - барселонская олимпиада и севильские торжества по случаю 500-летия плавания Колумба - открыли миру новую, западноевропейскую Испанию. Элегантная и эффективная, она наконец заменила трехчасовую сиесту 45-минутным ланчем и перестала выделяться среди соседей. Сегодня разница между Испанией и Францией такая же, как между испанским рестораном и французским: цены ниже, порции больше.

Встав с Европой вровень, Испания еще не изжила провинциальных комплексов. Поэтому она прячет от иностранцев все, что отличает ее от них. В том числе - бой быков.

Коррида не идет к круассанам. Она не вписывается в европейскую Испанию. Она слишком жовиальна, вульгарна и простонародна. Ее слегка стесняются. Чтобы ни говорили классики, коррида - это атавизм, вроде хвоста, киотских гейш, костоломного бангкокского бокса, карибских петушинных боев или чрезмерной волосатости.

Не то чтобы вас не пускали на корриду. Конечно, нет, тем более, что ее не скроешь - о ней напоминает афиша на каждом столбе. Другое дело, что мадридские гиды предпочтут повести вас в оперу, барселонские - познакомить с современным искусством, остальные - отправить на пляж.

Но вы не даете себя провести. Вы знаете, что такое коррида, отличаете пикадоров от матадоров и даже немного говорите по-испански: мулета, колета, карамба. Вы держите в голове все ритуалы тавромахии, ибо выросли на Хемингуэе, смотрели Гойю, слушали "Кармен" и читали газетные репортажи, всегда начинающиеся словами, которыми Св. Августин описывал гладиаторское сражение: "Сперва это жестокое зрелище оставляло меня равнодушным".

Короче, вы знаете все - но не себя. Вы не знаете, как отнесетесь к тому, что через полчаса на этой нарядной арене совершится зверское убийство, оплаченное, кстати сказать, и вашим билетом. Честно говоря, вы и пришли-то сюда только затем, чтобы это выяснить.

Дилетанту это сделать проще, чем знатоку. Мы смотрим в корень, потому что видим происходящее незащищенными привычкой глазами. Это - тот самый освежающий прием, который использовал Толстой, описавший оперу глазами мужика, и Лагин, изобразивший футбол с точки зрения старика Хоттабыча.

Новизна восприятия компенсирует невежество. Пусть мы неспособны оценить мужественную неторопливость вероники, пусть нас не трогает отточенность матадорских пируэтов, пусть мы только по замершему дыханию толпы судим о дистанции, разделяющей соперников. Все это не важно, во всяком случае - нам.

Мы видим лишь то, чего нельзя не заметить, - всадников на лошадях, милосердно одетых в ватные латы, и потешно наряженных пеших. Сверху они напоминают оживший набор оловянных солдатиков. Тем более, что их оружие - крылатые бандерильи и пики с бантами - выглядит вопиюще несерьезно, особенно после Чечни.

Самый невзрачный в этой компании - виновник происходящего. Не больше коровы, он выглядит не умнее ее. Лишь вдоволь упившись пестрой парафернализацией корриды, вы начинаете уважать компактную, как в 16-циллиндровом "Ягуаре", мощь быка. Равно далекий хищни-

кам и травоядным, он передвигается неумолимо, как грозовая туча, видом напоминая стихию, духом - самурая. Чтобы он ни делал - невозмутимо переживал атаку или безоглядно бросался на врага, ярость в нем кипит, как свинец на горелке. Собаки нападают стаей, кошки - из-за угла, но бык - всегда в центре событий. Завоевав наше внимание, он постепенно подчиняет себе всех, превращая мучителей в свиту.

Только тот бык, который утвердился в царственном статусе, заслуживает право на поединок. Прежде, чем сразиться с быком, человек должен признать в нем равную себе личность. Как и мы, бык не может избежать смерти, но, как и мы, он волен выбрать виражи, ведущие к ней.

Коррида - та же дуэль, где джентльмен не скрестит шпаги со слугой, ибо подневольный человек лишен достоинств свободного. Равноправным соперником быка делает свобода воли, а не тупая сила - никому ведь не придет в голову драться с трактором.

Животными, впрочем, тоже можно управлять - как лошадей. Их можно стричь, как овец, доить, как корову, есть, как свиней, и разводить, как кроликов. Однако высшее предназначение зверя состоит в том, чтобы с ним сражаться. Все наши битвы - междуусобицы, коррида - война миров.

Бык таинственен и непредсказуем, как природа, которую он воплощает. Эта - та же природа, что заключена в нас. Чтобы верно понять смысл поединка, представим себе, что бык - это рак, с которым надо бороться не в больничной койке, а на безжалостно залитой солнцем арене.

Сражаясь с быком, мы сводим счеты со своим прошлым. Бык - это зверь, которым был человек. Чтобы мы об этом не забывали, на арену выходит тореро.

Если угодно, матадор - это антибык: предел рафинированной цивилизации. С трибуны он выглядит аккуратной шахматной фигуркой. Сложный и дорогой наряд, доносящий до нас моду прекрасного просветительского века, символизирует красоту и порядок. Узорчатый жилет, белые чулки, тугие панталоны - от золотого шитья на матадоре нет живого места. Так выглядел Грибоедов в парадном мундире посланника. По песку, конечно, лучше бы бегать в трусах и кроссовках, но именно неуместность костюма оправдывает его старомодную роскошь. Мы не требуем фрака от футболиста, однако ждем его от грововщика. Мистерия убийства достойна торжественных одежд. К тому же, матадору должно быть не удобно, а страшно. Собираясь на работу, он, как солдат, обряжающийся перед боем в чистую рубаху, готовится к смерти - своей или чужой.

На арену матадор выходит не спеша, давая себя разглядеть и собою насладиться. Все мужчины ему завидуют, все женщины его любят. Он - избранник человеческого рода, честь которого ему предстоит защищать. Матадор должен показать, чего стоит не вооруженный наганом разум, когда он остается наедине с природой.

В такой перспективе коррида не имеет ничего общего со спортом - она глубже его. Атлетическое состязание показывает, как человек преодолевает себя в борьбе с собой или другими. Коррида же, напротив, демонстрирует обоюдную уязвимость ее участников. Пуская кровь, она заостряет внимание на плотской природе всего живого. Утверждая красоту жизни, она утрирует ее хрупкость.

Говоря проще, коррида нас пугает. Только нельзя ее путать с теми американскими горками, которые устраивают в Голливуде. Эта лесопилка эмоций с такой монотонностью чередует испуг с облегчением, что укачивает до тошноты. Коррида же, как жизнь, не знает хэппи-энда, и, как смерть, не бывает скучной. Борясь с этим, гуманисты пытаются цивилизовать бой быков, лишив его финала. В Провансе, скажем, матадор обходится сорванным с рогов плюмажем. Однако, у такой, выхолощенной корриды, немного поклонников. Больше быков Прованс знаменит ароматной бараниной.

Настоящая коррида, как романы Достоевского, не может обойтись без убийства. Тавромахия - это искусство парадной смерти. Без нее матадорские фуэте теряют смысл, как ласки без оргазма. Только смерть, наделяя inferнальной глубиной карнавальные шалости, придает корриде вес и значение. Но неуклюжее убийство - позорная казнь. Нет ничего страшнее неумелого палача. Мучая зрителей больше быка, он тычет врага, пока тот не истечет кровью, освободив нас от зрелища своих страданий. Бедная коррида, которой часто довольствуются в Латинской Америке, не имеет право на существование. Как всякая нищета, она унижает не только тех, кто от нее страдает. Удавшуюся корриду должен завершать удар, оправдывающий смерть.

Вы догадываетесь о том, что дело подходит к концу, по аскетической серьезности происходящего. На арене прекращается многолюдная суэта. Кончилось время опасных игр. Сорвав овации, матадор уже показал себя, но лишь последнее испытание делает его достойным своей профессии. До сих пор он пленял выучкой, мастерством и смелостью, теперь он должен проявить характер. Отбросив эффектные позы, забыв о себе и зрителях, он стоит, как вколоченный, вызывая быка на атаку.

Бык не выдерживает первым. Нагнув рога, он бросается в бой со стремительностью ядра и инерцией поезда. Сдержат этот приступ может лишь то, что сделало нас царем природы: воля и интуиция. Первая нужна, чтобы не дрогнуть, дожидаясь нужного момента, вторая - чтобы выбрать его. В это единственное мгновение матадор должен нанести удар в уязвимое место, размером не больше яблока. В момент высшей сосредоточенности все движения приобретают обманчивую замедленность. Кажется, что матадор остановил время. Вошедшая до рукояти шпага убивает быка раньше, чем он об этом узнает. Продолжая порыв, туша еще несется вперед, но это уже не крылатый порыв, а судорога трупа. Бой завершился смертью одного и победой обоих.

Трудно спорить с теми, кто считает корриду варварским зрелищем. Она ведь действительно пришла к нам из тех же первобытных глубин, что страх и любовь. Живая окаменелость, коррида - машина времени, переносящая к заре мира, когда люди боролись за существование не с собой, а с другими. Возвращаясь в эту героическую эпоху, коррида обнажает экзистенциальные корни жизни и оголяет провода страсти. Поэтому я всем советую побывать на корриде, хотя далеко не каждому стоит на нее возвращаться.

Я, например, не собираюсь.

Дело не в том, что мне больно смотреть на быка. Я даже не против поменяться с ним местами, чтобы умереть легко и разом, как перегоревшая лампочка. Мне не жалко рожденного для этого часа быка. Он уходит в разгаре сил, красоты и ярости, сполна прожив свою жизнь, как Одиссей, Толстой, но не Пушкин. У быка не осталось дел и долгов, и шпага принесет ему меньше мучений, чем старость.

Мне, повторяю, не жалко быка. И на корриду я не пойду, сочувствуя не ему, а матадору. Каждый убийца наследует карму своей жертвы, и я слишком давно живу, чтобы выяснять отношения с природой. Ее голос звучит во мне все слабее. Мне б его не глушить, а слышать.

LA TAUROMAQUIA PARA LOS PRINCIPIANTES

En Canadá a los intelectuales no les gusta el hockey, en Inglaterra el fútbol, en Japón el sumo, en Italia la mafia, en España las corridas de toros. Y eso tiene su lógica. Nosotros tampoco deseamos que los extranjeros nos vean únicamente como osos o astronautas. Nadie quiere ajustarse al estereotipo nacional. Los más orgullosos desean diferenciarse de la mayoría, los demás valoran aquello que convierte su cultura en algo excepcional. Por ejemplo las corridas de toros.

Los españoles, habiendo sido los últimos entre las grandes naciones en entrar en la Nueva Europa, aún no se encuentran totalmente cómodos. Hace tan solo una generación la ciudad de Madrid, a pesar de la geografía, estaba más cerca de México que de París. La dieta autárquica de muchos años, cultivada en los tiempos de Franco, redujo toda la cultura española a Don Quijote y al flamenco. Como contrapeso a este pequeño surtido de tópicos turístico hoy impera el espíritu cosmopolita que abrió al mundo la nueva España europea. Elegante y eficaz, por fin cambió la siesta de tres horas por un lunch de 45 minutos y dejó de diferenciarse de los vecinos. Hoy la diferencia entre España y Francia es similar a la diferencia entre un restaurante español y uno francés: los precios son más bajos y las porciones más grandes.

Al llegar al mismo nivel que el resto de Europa, España aún no se ha deshecho de sus complejos provinciales. Por eso esconde de los extranjeros todo lo que la diferencia de ellos. Incluyendo la corrida de toros.

La corrida de toros no pega con los cruasanes. Ésta no se ajusta a la España europea; es demasiado jovial y vulgar. Da un poco de vergüenza. Digan lo que digan los clásicos, la corrida es un atavismo como una cola, como las geishas de Kioto, como el boxeo de Bangkok, como las luchas de gallos del Caribe o el vello excesivo.

No es que no se permita la entrada a una corrida de toros. Por supuesto que no. Además no se puede esconder ya que lo recuerdan los carteles en cada farola. Otra cosa es que los guías de Madrid prefieran llevarnos a la ópera, los de Barcelona enseñarnos el arte moderno y el resto – enviarnos a la playa.

Pero no se dejen engañar. Ustedes saben lo que es una corrida de toros, diferencian los picadores de los matadores y hasta hablan un poco español: muleta, coleta, caramba! Tienen ustedes en la cabeza todos los rituales de la tauromaquia, ya que han crecido con Hemingway, han visto las obras de Goya, han escuchado “Carmen” y han leído los reportajes de los periódicos que comenzaban siempre con las palabras con las que San Agustín describía

la lucha de los gladiadores: “ Al principio este cruel espectáculo me dejaba indiferente”.

En fin, Ustedes lo conocen todo, menos a ustedes mismos. Ustedes no saben cómo van a reaccionar, que dentro de media hora en esa decorada plaza vaya a llevarse a cabo un feroz matanza de hecho pagado con su propia entrada. Y para ser sinceros ustedes solo han venido aquí para comprobarlo.

Para un aficionado es más fácil que para un entendido. Nosotros miramos a la raíz porque vemos lo que ocurre con ojos no protegidos por la costumbre.

La novedad de la percepción compensa la ignorancia. Aunque no seamos capaces de apreciar la valerosa paciencia de la Verónica, aunque no nos emocione la pulida ejecución de las piruetas de los toreros, aunque juzguemos sobre la distancia que separa a los contrincantes solo por el aliento petrificado de la muchedumbre. Todo eso no tiene importancia para nosotros.

Solamente vemos aquello que destaca: los jinetes sobre sus caballos vestidos con corazas de algodón y graciosamente vestidos los peones. Desde arriba recuerdan a una colección de soldaditos de plomo que han cobrado vida. Además sus armas-las banderillas aladas y picas con lazos-tienen un aspecto escandalosamente poco serio, sobre todo después de Chechenia.

El menos atrayente en esta cuadrilla es el culpable de lo que está ocurriendo. No mucho más grande que una vaca, tiene un aspecto no más inteligente que ella. Solo después de haberse deleitado con la abigarrada parafernalia, usted comienza a apreciar la compacta potencia del toro, como un “Jaguar” de 16 cilindros. Tan lejano a los carnívoros como a los herbívoros, se desplaza implacable como una nube negra recordando con su aspecto a un elemento de la naturaleza y con su espíritu a un samurái. Cualquier cosa que haga, ya sea esperar imperturbable el final del ataque o ya sea lanzarse sobre el enemigo, la ira hierve en él como el plomo en un horno de fundición. Los perros atacan en manada, los gatos de detrás de una esquina, pero el toro está siempre en el centro de los acontecimientos. Habiendo captado nuestra atención, va poco a poco conquistándonos a todos, convirtiendo a los torturadores en su séquito.

El único toro digno de participar en el duelo es aquel que ha reafirmado su estatus regio. Antes de combatir con un toro, el hombre tiene que reconocer en él a una personalidad semejante a la suya. Como nosotros, el toro no puede evitar la muerte, pero igualmente es libre de elegir las curvas que lo lleven a ella.

La corrida es un duelo en el cual un caballero no cruza su espada con un sirviente, porque una persona dependiente no tiene la misma dignidad que

la persona libre. La libre voluntad y no la fuerza bruta convierte al toro en un rival equiparable al hombre; a nadie se le ocurre luchar contra un tractor.

A los animales, por otra parte, también se les puede domesticar; igual que a un caballo. Puede ser esquilado como las ovejas; ordeñado como las vacas; se puede comer como se come un cerdo y criar como se cría los conejos. Sin embargo el destino superior de una bestia consiste en luchar contra ella. Todas nuestras luchas son guerras locales, la corrida es la guerra de los mundos.

El toro es místico e impredecible como la naturaleza que él mismo encarna. Es la misma naturaleza que se encierra en nosotros. Para entender bien el sentido del combate imaginamos que el toro es el cáncer contra el que tenemos que luchar no en la cama de un hospital, sino en un escenario bajo los despiadados rayos del sol.

Combatiendo contra el toro ajustamos las cuentas con nuestro pasado. El toro es la bestia que antes era el hombre. Para que no nos olvidemos de ello, el torero sale a la arena.

Incluso es posible que el matador sea la otra cara del toro: el límite de la civilización refinada. Desde la tribuna tiene el aspecto de una pequeña figura de ajedrez. El vestido es complejo y caro, nos transporta a la moda del maravilloso siglo de la ilustración, simboliza la belleza y el orden. Un chaleco bordado, medias blancas, pantalones muy ajustados: toda esa costura dorada no deja un espacio libre. Este era el aspecto que tenía el Señor Griboiedov con su uniforme de embajador. Sobre la arena por supuesto sería mejor correr con pantalón corto y deportivas, pero precisamente la inoportunidad del traje disculpa su lujo anticuado. Nosotros no exigimos llevar frac a un futbolista pero esperamos verlo puesto en un fabricante de ataúdes. El misterio del asesinato bien vale un traje solemne. Sobre todo el matador no tiene que estar cómodo, tiene que tener miedo. Cuando se prepara para ir a trabajar, igual que el soldado vistiéndose antes del combate con una camisa limpia, se prepara para la muerte: la suya o la del otro.

El matador al escenario sale sin prisa, dando la oportunidad a los demás de verlo bien y disfrutar de las vistas. Todos los hombres lo envidian, todas las mujeres lo aman. El es el elegido entre todos los humanos y cuyo honor tiene que defender. El matador debe mostrar a los demás cuánto vale el intelecto no armado por un revólver, cuando se queda a solas con la naturaleza.

Mirando desde esa perspectiva la corrida no tiene nada que ver con el deporte, es mucho más profunda. La competición atlética demuestra cómo una persona se supera a sí misma o a los demás. Por el contrario, la corrida demuestra la vulnerabilidad mutua de sus participantes. Con las venas

abiertas, en ella se concentra la atención sobre la idea carnal de todo lo vivo. Afirmando la belleza de la vida, ésta exagera su fragilidad.

Hablando más sencillamente, la corrida nos asusta. Lo único con lo que no se puede mezclar es con las montañas rusas que organizan en Hollywood. Es una sucesión de emociones que alterna el susto y el alivio con tanta monotonía que causa mareo, hasta náuseas. La corrida, como la vida, no conoce el final feliz, y, como la muerte, no llega a ser aburrida. Luchando contra eso los humanistas intentan civilizar la corrida eliminando su final. En la Provenza, por ejemplo, el matador se contenta con un plumero arrancado de los cuernos. Pero esta corrida vacía no tiene muchos seguidores. La Provenza tiene más fama por la aromática carne de cordero que por sus toros.

La verdadera corrida, como las novelas de Dostoievski, no puede evitar el asesinato. La tauromaquia es el arte de la muerte solemne. Sin ella el baile del matador pierde sentido, como las caricias sin orgasmo. Solamente la muerte, dando una profundidad infernal a las travesías de carnaval, le da peso y significado. Pero el asesinato torpe es la ejecución deshonrosa. No hay nada peor que un verdugo inepto. Atormentando a los espectadores más que al toro, pica al enemigo hasta que ese último pierda toda su sangre, liberándonos a todos nosotros del espectáculo del sufrimiento. La corrida pobre, con la cual se satisfacen muy a menudo en América Latina, no tiene derecho a existir. Como cualquier tipo de pobreza, ésta humilla normalmente a los que la sufren. La corrida con éxito debe terminar con el golpe que justifica la muerte.

Uno se da cuenta de lo que está a punto de suceder por la ascética seriedad con que se percibe el momento. En la arena se termina la agitación y el movimiento. Se acabó el tiempo de los juegos peligrosos. El matador ya se ha mostrado, ha cosechado los aplausos, pero solamente la última prueba le hace ser digno de su profesión. Hasta este momento ha cautivado por su preparación, su maestría y su valentía. Ahora debe sacar todo su carácter. Renunciando a las posturas con efecto, olvidándose de sí mismo y de los espectadores, mantiene una postura hierática retando al toro a que ataque.

El primero en no aguantar es el toro. Agachando los cuernos, se tira a la lucha con la impetuosidad de una bala y la inercia de un tren. Solo puede detener este ataque aquello que nos hace reyes de la naturaleza: la voluntad y la intuición. La primera hace falta para no temblar esperando el momento oportuno y la segunda para elegir bien este momento. En este único momento el matador debe asestar un golpe en el punto vulnerable que es del tamaño de una manzana.

En el momento más alto de concentración, todos los movimientos adquieren una falsa ralentización. Parece que el matador ha parado el tiempo.

La espada que ha entrado hasta su empuñadura mata al toro antes de que éste se entere. El toro sigue con su movimiento hacia delante pero ahora ya no es un impulso, sino la convulsión de un cadáver. La batalla se ha acabado con la muerte de uno y con la victoria de los dos.

Es muy difícil discutir con las personas que opinan que la corrida es un espectáculo bárbaro. Es cierto que ha llegado a nosotros desde las mismas profundidades prehistóricas de donde salen el miedo y el amor. La corrida es el fósil vivo, la máquina del tiempo que nos transporta a los albores del universo cuando las personas luchaban no consigo mismas, sino contra los demás. Cuando se vuelve a aquella época heroica se desnudan las raíces de la vida y se destapan los cables de la pasión. Por eso yo aconsejo a todos ver una vez la corrida, pero no a todos les merecerá la pena volver a verla. Yo, por ejemplo, no tengo ninguna intención. No es porque me duela ver al toro; no tengo nada en contra de cambiarme con él de sitio para morir de una forma rápida y sencilla. No me da pena el toro que ha nacido solamente para morir; se va en el punto más algito de su fuerza, su belleza y su furia, terminando su vida como Ulises, Tolstoi, pero no como Pushkin. Al toro no le quedan asuntos ni deudas pendientes y la espada conlleva menos sufrimiento que la vejez.

Repito, no tengo ninguna pena por el toro, pero no voy a la corrida conmovido por él, sino por el matador. Cada asesino hereda el karma de su víctima y yo vivo desde hace mucho para aclarar mis asuntos con la naturaleza, cuya voz suena dentro de mí cada vez menos fuerte. Ojalá pudiera oírla en lugar de apagándola.

ALEJANDRO GUENIS